

выборке слова, принадлежащие этой группе, не были обнаружены, поэтому можно сделать вывод, что этот классификационный признак был не свойствен неологическим НЛ, созданным в период с 2010 по 2020 год.

Таким образом, приведенные выше характеристики свидетельствуют об определенной степени размытости и обобщенности предметно-логического содержания рассматриваемой группы наименований.

Библиографические ссылки

1. The Oxford Dictionaries [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.oed.com> (date of access: 27.04.2020).
2. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 27.04.2020).
3. Уфимцева А. А. Языковая номинация: общие вопросы. М. : Наука, 1977. 360 с.
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1 Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (все живое, земля, космос). М. : РАН. Ин-т рус. яз., 2002. С. 60–350.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРИННЫХ РУССКИХ ПЕСЕН И РОМАНСОВ

Е. В. Михайлова

Белорусская государственная академия музыки
Минск, Беларусь
e-mail: ev2mikhailova@mail.ru

Статья посвящена филологическим особенностям старинных русских романсов, бытовых романсов, песен каторжан, старинных цыганских песен и романсов, литературных имитаций цыганских песен, авторских песен и романсов. Разбираются их сильные позиции, содержание, семантические и грамматические особенности.

Ключевые слова: филологические особенности; старинные русские песни и романсы.

PHILOLOGICAL PECULIARITIES OF OLD RUSSIAN SONGS AND ROMANCES

E. V. Mikhailova

Belarusian State Academy of Music
Minsk, Belarus
e-mail: ev2mikhailova@mail.ru

The article dwells upon the philological peculiarities of old Russian songs and romances, romances of everyday life, songs of the convicts, old gypsy songs and romances, literary imitation of gypsy songs, author songs and romances. Their strong points, content, semantic and grammatical features are analyzed.

Key words: philological peculiarities; old Russian songs and romances.

В статье анализируются филологические особенности старинных русских романсов, бытовых романсов, песен каторжан, старинных цыганских песен и романсов, литературных имитаций цыганских песен, авторских песен и романсов [1, с. 41–346]. Многие старинные русские романсы и авторские песни и романсы посвящены теме любви; воспоминаниям о ней, которые сопровождаются описанием природы, передачей слов, которые люди говорили друг другу; теме старости; теме расставания. Годы делают людей мудрее, но они не могут забыть время, когда они были молодыми и наивными, преданно и искренне любили друг друга. Любовь приносит как счастье, так и муку, вслед за встречей следует разлука. Данные музыкально-поэтические произведения часто имеют припев, в котором повторяется какая-либо важная мысль. Их лирические герои не могут не любить, хотя и знают о страданиях, приносимых данным чувством. Как правило, им сложно забыть объект своей любви. Положительные качества объекта любви гиперболизируются.

В бытовых романсах и песнях каторжан описывается жизнь людей из народа. Они имеют грустное содержание. Более светлым является содержание старинных цыганских песен и романсов. В них рассказывается о верной любви, о песнях, исполняемых в дороге и на концертах и т.д.

В названиях старинных русских романсов, бытовых романсов, песен каторжан, старинных цыганских песен и романсов, литературных имитаций цыганских песен – одной из сильных позиций текста – встречаются императивы («Не тверди!» (*Старинный романс в обработке Е. Юровской*) [1, с. 43–44], «Забудь весь мир» (*Старинный цыганский романс*) [1, с. 52], П. Лещенко «Играй, цыган!» (*Английский вальс, русский текст П. Лещенко*) [1, с. 62] и др.), отрицания («И нет в мире очей» (*Старинный вальс в обработке Е. Юровской*) [1, с. 45], «Я не люблю ее» (*Романс цыган «Яра»*) [1, с. 50–51] и др.), словосочетания («Белая акация» (*Старинный романс, обработка Ю. Морфесси*) [1, с. 41], «Час роковой» (*Старинный вальс*) [1, с. 43], «Песня каторжан» [1, с. 48], «Цвет подруги моей» (*Старинный цыганский романс*) [1, с. 51] и др.), повествовательные предложения («Сердце рвется к тебе» (*Старинный романс в обработке Е. Юровской*) [1, с. 44–45], «Заря восход играет» (*Цыганская песня*) [1, с. 54], «Чудный месяц плывет» (*Цыганский романс в обработке Е. Юровской*) [1, с. 55] и др.) и др.

Наибольшее разнообразие названий имеется у авторских песен и романсов. Среди этой группы музыкально-поэтических произведений встречаются следующие: те, у которых в названии употреблены слова с музыкальной семантикой (И. Аркадьев «Весенняя песенка» [1, с. 76–77],

К. Бахтурин «Песнь ямщика» [1, с. 84–85], А. Блок «Девушка пела в церковном хоре» [1, с. 92], И. Богданович «Песня» [1, с. 96], Ф. Глинка «Песнь узника» [1, с. 116–117] и др.), слова, связанные с темой дороги («Н. Анордист (Радостин) «Тройка» [1, с. 72–74], А. Апухтин «Пара гнедых» (пер. из С. Донаурова) [1, с. 74–75], А. Ахматова «Темнеет дорога» [1, с. 80], К. Бахтурин «Песнь ямщика» [1, с. 84–85] и др.), императивы («И. Аркадьев «Если можешь, прости» [1, с. 78], «Ласково взгляни» [1, с. 78–79], В. Бакалейников «Пожалей!» [1, с. 81–82], С. Баторин «Вернись ко мне!» [1, с. 82], А. Бешенцов «Отойди, не гляди!» [1, с. 90] и др.), обращения (И. Дмитриев «Что с тобою, ангел, стало» [1, с. 138–139], С. Есенин «Заиграй, сыграй, тальяночка» [1, с. 141–142], «До свиданья, друг мой, до свиданья» [1, с. 151], Н. Кашинцов «Ты прости, наш соловей» [1, с. 165–166] и др.), лексика с эмоциональной семантикой (П. Бендерский «Маленькое счастье» [1, с. 88–89], П. Герман «Улыбнись» [1, с. 110–112], А. Денисьева «Не сердись, не ревнуй!» [1, с. 136], Н. В. Кукольник «Сомнение» [1, с. 179–180] и др.), лексика, связанная с темой встречи – разлуки («Е. Баратынский «Разлука» [1, с. 83], А. Волков «Встречи» [1, с. 101], А. Гассельблат «Встречи случайные» [1, с. 105], П. Герман «Не надо встреч...» [1, с. 114], Ю. Зубковский «Поздняя встреча» [1, с. 155], В. Кривич «Наши встречи» [1, с. 178–179] и др.), лексика с аксиологическим компонентом семантики (К. Батюшков «Мой гений» [1, с. 82–83], А. Н. Вертинский «Сероглазочка» [1, с. 100], С. Гердель «Милая» [1, с. 105–106], И. Дмитриев «Что с тобою, ангел, стало» [1, с. 138–139], А. Карчевский «Капризная, упрямая» [1, с. 164–165], М. Малин «Приди, дорогая!» [1, с. 199] (*Ответ на романс В. Шумского «Отцвели хризантемы»*), К. Подревский «Моя золотая» [1, с. 238–239] и др.), лексика, связанная с темой любви («Д. Богемский «Утро любви» [1, с. 96–97], Б. Гурович «Почему я безумно люблю» [1, с. 126–127], А. Емельянов-Кохановский «Ты шути мое сердце разбила» [1, с. 140–141], Н. Ленский «Но я вас все-таки люблю» [1, с. 184–185], М. Лермонтов «Нет, не тебя так пылко я люблю» [1, с. 186], Е. Минеева «Потому я тебя так безумно люблю» (*Ответ на романс Б. Гуровича «Почему я безумно люблю»*) [1, с. 207] и др.) и др. В названиях данных музыкально-поэтических произведений имеются предложения, различные по цели высказывания и эмоциональной окраске: повествовательные («А. Биск «Я упьюсь голубыми глазами» [1, с. 90–91] и др.), вопросительные («Н. Блейхман «Ты помнишь ли?» [1, с. 91] и др.) и др.

В старинных русских романсах, бытовых романсах, песнях каторжан, старинных цыганских песнях и романсах, литературных имитациях цыганских песен, авторских песнях и романсах сформированы семантиче-

ские поля 'цвет' (белый, бледный, сверканье, черные и др.), 'чувство' (восторг, страсти, трепетно, сердце, счастье, мука, любовь, тоска, страдать, душа, любить, плакать, слезы и др.), 'музыка' (песнь, трели, танец, петь, песни, гитары, напев, ре, минор, мелодия, перебор, плясать, вальс, играть, припев, аккорд, струны, звук, оркестр и др.) и др. Очень много слов включает семантическое поле с отрицательным компонентом значения (старость, нещадная, остыть, никогда, седые, бушевать, неистово, неповторимы, невозвратимы, роковой, мука, безумный, страшно, страдать, ад, винить, проклинать, утопить, гроб, усталый, холод, дерзко и др.).

В названных музыкально-поэтических произведениях используются антонимы («В час свиданья, в час разлуки // Дышит все тобой одной» [1, с. 43], «Но чуть слилась ее рука с моей рукою – // Как слабое дитя, я плачу и смеюсь» [1, с. 50] и др.), междометия («На степи молдаванские всю ночь глядит луна. // Эх, только жизнь цыганская беспечна и вольна» [1, с. 66] – Б. Тимофеев и др.), императивы («Прости, прости! Настало время, // Расстаться должно нам с тобой...» [1, с. 45], «Сердце остынет – ты скажешь: забудь!» [1, с. 50] и др.), однородные члены предложения («Страстно, безумно тебя полюбя, / Был я весь день как во сне» [1, с. 43], «Пусть я страдаю, пусть ревности муки // Гложут мне сердце, терзают мне грудь» [1, с. 50] и др.), обращения («О дитя, не вини...» [1, с. 44], «Ненаглядный ты мой, // Как люблю я тебя!» [1, с. 44] и др.), отрицания («Не могу не любить!..» [1, с. 44], «Не за пьянство иль буянство, // Не за ночной разбой, // Стороны родной лишился // За крестьянский мир честной» [1, с. 48] и др.), вопросительные предложения («И зачем и за что // Полюбил я тебя?» [1, с. 43], «Мне ль его разлюбить? // Мне ль его позабыть? // Никогда, никогда» [1, с. 45] и др.), восклицательные предложения («Боже! какими мы были наивными, // Как же мы молоды были тогда!» [1, с. 42], «Ты не прельстишь меня лаской минутной, // Пусть ее жаждет другой кто-нибудь!» [1, с. 50] и др.), сложносочиненные предложения («Сегодня с вами затяну я песню, // А завтра нет меня, и я уйду от вас» [1, с. 63] – М. Маковский, «Мне теперь дорога к ним [в табор – Е. М.] закрыта, // Да и старое уходит без возврата...» [1, с. 64] – О. Осенин и др.), сложноподчиненные предложения («Если полюбишь, то скоро изменишь...» [1, с. 50], «Я знаю, у красотки // Есть сторож у крыльца...» [1, с. 57] и др.), метафоры («Годы давно прошли, страсти остыли...» [1, с. 42]), «Взор пленительный твой // Сожигает меня» [1, с. 44] и др.), метонимии («Сердце мое тебя любит, прекрасная...» [1, с. 46], «Пусть сердце плачет, ничего не значит...» [1, с. 65] – Б. Тимофеев и др.), эпитеты («Вновь разливается песнь соло-

вьиная // В тихом сиянии чудной луны!» [1, с. 42], «Я не люблю ее сердечною любовью; // Но за любовь к себе, за взгляд ее живой // Готов пожертвовать я всей своею кровью, // Житейским счастьем и жизнью самой!» [1, с. 51] и др.), сравнения («Резвою птишкой, воздушной, как тень, // В танце безумном кружишься ты...» [1, с. 43], «Как цветы ароматной весною, // Для тебя одного расцвела» [1, с. 55] и др.), повторы («Город молчал, и молчали дома» [1, с. 42], «Сколько счастья, сколько муки // Ты, любовь, несешь с собой» [1, с. 43] и др.), анафоры («Вся создана ты для пылкой любви, // Вся ты любовь, вся мечта» [1, с. 43], «Пустое вы сердечным ты // Навек отныне замени, // Да поцелуй, да обними, // Да полюби от всей души» [1, с. 52] и др.). В произведениях имеются номинации женского образа: *томная, чудная, светлая, чудные глазки, стройный твой стан, твоя красота, любовь, мечта, ангел, дитя, чудные очи, прекрасная* и др.; номинации мужского образа: *милый, ненаглядный ты мой, взор пленительный твой, очи прекрасней, черней, как его* и др.

В рассматриваемых музыкально-поэтических произведениях выражено позитивное мировосприятие: «Песни любимые, песни заветные // Гонят и грусть и печаль; // Пусть пролетают часы незаметные, // Жизни за песни не жаль» [1, с. 53], «Звонкой песнею своею // Пробудить любовь сумею, // В мир волшебный и иной // Унесу на крыльях песни той» [1, с. 59] и др. Песни появились очень давно: «Цыганский быт и нравы старые, // Как песни, что мы все поем. // Под рокот струн, под звон гитары, // Жизнь прожигая, зря живем» [1, с. 63] – В. Маковский и др. Песня концептуализируется как богатство людей, друг и счастье: «Но мы [цыганы – Е. М.] песнями богаты, // Песня – друг и счастье нам: // С нею радости, утраты // Дружно делим пополам» – С. Шевырев [1, с. 66–67].

Если рассмотреть музыкальное произведение на стихотворение В. Кривича «Наши встречи», в нем можно выделить анафоры («Надо только запомнить, сберечь // И влюбленную ненависть гордого взгляда, // И пожать презрительных плеч» [1, с. 178] и др.), предложения с подлежащим и сказуемым, выраженным именами существительными («Наши встречи – минуты...» [178] и др.), предложения с однородными членами («Разве стыдно, другую любя, // Подойти и пройти, лишь глазами коснуться...» [1, с. 178] и др.), вопросительные предложения («Наши встречи случайны, // Но я жду их, люблю их, // А ты?» [1, с. 178] и др.) и др. Все эти лингвистические средства облегчают музыкальное воплощение данного поэтического произведения.

Таким образом, в проанализированных музыкально-поэтических произведениях употребляются различные лексические, грамматические и образные средства. Имеются филологические особенности, которые реа-

лизуются как в самих текстах, так и в названиях произведений – императивы, отрицания, вопросительные предложения и т.д., что делает их особенно важными для формирования особого стиля поэтических произведений, положенных на музыку.

Библиографические ссылки

1. Старинные русские песни и романсы / сост. О. И. Федотов. М. : Флинта : Наука, 2006. 416 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО «ДЕЙСТВЕННО-СОБЫТИЙНАЯ СФЕРА» ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОЦЕНОЧНЫХ СМЫСЛОВ МЕНТЕФАКТОВ

Д. А. Попова

Воронежский государственный университет

Воронеж, Россия

e-mail: darcy.popova@mail.ru

На материале английского языка рассматривается оценочная категоризация ментефактов-продуктов интеллектуальной деятельности. Анализируются концептуальные основы формирования оценочных смыслов атрибутивных сочетаний с именами ментефактов, где в роли атрибута выступают лексические единицы, номинирующие действенно-событийную сферу жизни человека.

Ключевые слова: ментефакт; атрибутивный признак; оценочная категоризация; концептуальная интеграция; метафора.

CONCEPTUAL SPACE “ACTIONS AND EVENTS” IN THE PROCESS OF MENTIFACTS EVALUATIVE SENSE FORMATION

D. A. Popova

Voronezh State University

Voronezh, Russia

e-mail: darcy.popova@mail.ru

The paper considers evaluative categorization of mentifacts or products of human intellectual activity and analyses the conceptual basis for their evaluative sense formation in the English nominal-attributive phrases, where the attribute nominates the sphere of actions and events.

Key words: mentifact; attribute; evaluative categorization; conceptual blending; metaphor.

Отличительной чертой зрелой личности является ее способность к рефлексии и саморефлексии, которые позволяют критически осмыслить и оценить как явления окружающей материальной действительности, так и процессы нематериального плана, протекающие в сознании человека или сфере его бессознательного. К таким нематериальным сущностям,